

ПАРАДИГМА КОНСТРУИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ГУМАНИСТИКЕ И ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ

М.М. БАХТИНА
(Аналитический обзор)

А.В. ДЕРЕВЯНКО

Статья представляет собой аналитический обзор литературы, предваряющий эмпирическую часть диссертационного исследования, и посвящена анализу истоков социального конструкционизма и его развитию в качестве нового философско-методологического фундамента современной психологии.

В центре наших научных интересов — то, что происходит с человеком, когда он вступает в качестве обучающегося психотерапии в поле, в котором одновременно присутствуют несколько психотерапевтических практик/психологических теорий. Проблемы и феномены, возникающие в этом поле, требуют для осмысления и описания концептуального аппарата, который бы позволял «видеть» следующие моменты: единство и взаимосвязь *индивидуального (даже интимного) и культурно-социального* в процессе обучения психотерапии, а также связь и единство психотерапевтического «знания» и более широкого культурно-исторического и социального контекста. В этой связи в сферу нашего интереса попадает парадигма социального конструкционизма и диалогический подход к языку М.М. Бахтина и Г.Г. Гадамера, которые сегодня выступают в роли философско-методологических оснований для многих направлений в области гуманитарного знания и гуманитарных практик, в частности, и психотерапии (см. *Леонтьев*, 2005). Поэтому мы предприняли попытку обзорно-аналитического исследования этих направлений, прежде чем обратимся к непосредственному эмпирическому их приложению к интересующему нас предмету — как происходит профессиональное и личностное самоопределение студента — будущего психотерапевта.

ПОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА КРИЗИС В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ 60-Х ГГ. И КРИТИКА КОГНИТИВИЗМА

Одним из главных интересов социальной психологии последних двух десятилетий XX века был интерес к проблематике социального познания. При этом выделялись различные аспекты: социальная детерминация познавательных процессов, познание социального мира «обыденным» человеком, особенности познания социальных объектов и пр. С этими тенденциями связано бурное развитие в 70-80 гг. такой области социальной психологии, как психология социального познания (Social cognition в англоязычной литературе), представленной в основном европейскими авторами (С. Фиске, Ш. Тейлор, Ф. Серафик, Д. Деннон, А. Тэшфел, С. Московиси и др.). Как пишет Г.М. Андреева, психология социального познания «ставит своей за-

дачей раскрыть механизмы, посредством которых человек осознает себя частью той социальной реальности, в которой он живет и действует, а также всю совокупность социальных факторов, которые обуславливают эти процессы. Иными словами, это вопрос о том, как человек строит образ социального мира или «конструирует» социальный мир» (2000, с.6).

Появление этой области знания в значительной степени явилось ответом на кризисную ситуацию, которая сложилась в социальной психологии, начиная с 60-х годов XX века. В эпоху бурных изменений, которые охватили Европу и Америку во второй половине XX века, социальная психология оказалась перед лицом новых социальных проблем. Ее неспособность решать вновь поставленные задачи, отвечать на запросы общества привела к глубокому анализу и существенному пересмотру методологических и теоретических оснований. Многие авторы констатировали, что социальная психология переживает кризис, и выдвигали новые принципы, положения, теории.

Мишенью критики, в основном, становилась американская социальная психология, в центре внимания которой было поведение отдельного человека, индивидуальные механизмы социального познания, что было характерно для всей когнитивной психологии того времени. Изучались отдельные (внутренние) когнитивные процессы, признавалась способность человека осмысливать происходящие события, абстрагируясь от социального контекста, принимать решения, действовать. Индивидуалистическая трактовка знания и поведения, взгляд на человека как на изолированное от остального мира и других людей рациональное существо своими корнями уходят в далекое прошлое. Эти принципы подверглись жесткой критике. В 70-х годах критические тенденции усиливались, появились новые подходы, которые претендовали на построение новой социальной психологии. При этом акцент делался на необходимость учета *социального контекста* познания и поведения человека (А. Ньюком, А. Тэшфел, С. Москвисси). Авторами психологии социального познания было четко заявлено о невозможности познания социального мира отдельным субъектом. Выдвигались идеи о роли коммуникации в процессе познания мира и о коллективном характере полученного знания. «Введением этих новых идей, — пишет Г.М. Андреева, — психология социального познания отвечала на многочисленные критические замечания, сделанные в свое время в адрес теорий когнитивного соответствия за то, что в них недостаточно подчеркнут аспект специфики именно *социального* познания и, напротив, гипертрофирован *когнитивный* аспект» (2002, с.153). Хотя, как она отмечает, «критические замечания подобного рода не исчерпаны и до сих пор, и современным исследователям психологии социального познания приходится вновь и вновь доказывать «преодоленность» ошибок традиционных когнитивистов» (*там же*). Даже заявления о необходимости учета социального контекста познания, акцент на социальной детерминации, факте включенности индивида в группу (и отсюда анализ таких феноменов, как социальная идентичность, групповые установки, ценности, представления и т.д.) не являются достаточными для того, чтобы можно было говорить о принципиально ином подходе к анализируемому явлению. Как показано некоторыми авторами, в центре внимания психологии социального познания по-прежнему остается отдельный индивид, познающий социальную реальность. При всех существенных дополнениях, сделанных авторами психологии социального познания, эта область знания во многом унаследовала проблемы тра-

диционной когнитивной психологии. По-прежнему значительный интерес психологов направлен на анализ этапов работы с информацией (внимание, кодирование, хранение, воспроизведение), атрибутивных процессов и процессов категоризации, на выявление ситуативных и личностных факторов познания. Предметом анализа выступает познающий индивид, который отбирает и перерабатывает информацию определенным образом, а также столь характерная для когнитивной психологии проблематика специфических, ментальных образований, которые определяют процессы познания и регулируют взаимодействие между людьми (аттитюды, схемы, скрипты, имплицитные теории личности, эвристики и т.д.). Важно отметить то, что специфика заключается не столько в интересе к этим образованиям, сколько в их особом понимании (как принадлежащих внутреннему миру личности). Человек как бы смотрит на мир сквозь призму культурно обусловленных конструкторов, категорий, структурируя с их помощью получаемую информацию. Такая трактовка познания отразилась и на понимании научных теорий и парадигм как некоторых «линз», сквозь которые ученые смотрят на окружающий мир, или «сетки», которую исследователь накладывает на реальность.

Чем можно объяснить тот факт, что, критикуя социальный когнитивизм, исследователи все же оставались в рамках его традиций? Если обратиться к анализу самой критики когнитивной психологии, то ответ на этот вопрос станет очевидным. Зачастую даже самая жесткая критика шла «изнутри» данной парадигмы, системы мировоззрения и касалась либо отдельных теоретических положений, либо методических принципов. Таковы, например, были споры вокруг проблемы «когниции и эмоции» — об их соотношении, первичности и вторичности, споры о влиянии аттитюдов на поведение или критика социально-психологического эксперимента А. Тэшфелом, В. МакГвайром.

Справедливо ради следует отметить, что критические замечания часто распространялись и на более широкую область знаний. Так, американский исследователь В. МакГвайр писал о построении новой парадигмы, новой социальной психологии. Хотя само «реформирование» социальной психологии ему виделось, прежде всего, в изменении исследовательских методов, принципов экспериментирования, формулирования и проверки гипотез. Все же большинство авторов, критикующих когнитивную психологию, не делают более глубоких выводов о философских основаниях социальной психологии. Критика не поднимается на метатеоретический, эпистемологический уровни анализа, не выходит за пределы внутренних собственно психологических и социально-психологических разработок. На этом уровне научной рефлексии невозможно сделать вывод о социальной обусловленности самого научного познания (1984).

Принципиально иной подход предложил французский психолог С. Московиси (Московичи). В своих работах он поднимал философские проблемы знания и критиковал позитивистскую эпистемологию, свойственную большинству исследований в области социальной психологии того времени. Московиси писал о необходимости некоторой «социологизации» социальной психологии. А для этого важно учитывать роль идеологии в научных исследованиях и те культурные, социальные, политические контексты, в которых эти исследования возникают. Критикуя социальную психологию «стерильной личности», существующей лишь в контексте лаборатории, Московиси призывал социальных психологов приблизиться к социальным проблемам своего общества. Его позитивной программой стала разработка теории со-

циальных представлений, которая в значительной степени отвечает этим требованиям (1984).

Хотя существуют различные мнения о том, остался ли С. Московиси в рамках традиционной когнитивной психологии или все же сумел выйти за ее пределы, бесспорно, его подход представляет собой глубокий анализ философских и теоретических проблем познания и интересную альтернативу существующим концепциям. С этой точки зрения интерес представляет также подход А. Тэшфела. Тэшфел назвал социально-психологические эксперименты «экспериментами в вакууме» и высказал мнение, что они не являются адекватными методами социальной психологии, так как не учитывают социальный контекст поведения человека. Поскольку, по мнению Тэшфела, необходимо учитывать, что развитие человека происходит в быстро меняющемся мире, на первый план выдвигается проблематика социальных изменений. Взамен традиционных подходов Тэшфел предлагает теорию межгрупповых отношений и теорию социальной идентичности (1984).

Ром Харре, чьи идеи во многом близки социальному конструкционизму, предложил свой проект новой социальной психологии. Его критика также была направлена на традиционную когнитивную психологию, в которой человек часто понимается как пассивная информационная система, а работа психических процессов и мозга описывается по аналогии с работой компьютера. Как известно, Харре выдвинул идею о второй когнитивной революции в психологии, которую во многом инициировали работы Дж. Брунера по анализу повествовательных текстов (Харре, 1996). В новой парадигме, которую можно назвать «дискурсивным направлением» (или дискурс-анализом), психика понимается уже не как пассивная, механическая обработка информации, а как некоторая дискурсивная активность, то есть использование знаков и символов в межличностных взаимодействиях, которые осуществляются по определенным нормам и правилам. Поскольку эти нормы выражены при помощи языка, социальное поведение можно, по мнению Харре, рассматривать как некоторый текст. Для того чтобы достичь взаимопонимания в процессе общения и согласовывать свои действия с действиями другого человека, необходимо создавать общую систему категорий и уметь «прочитать» чужое поведение. В ходе дискурса (разговоров, рассуждений, работы с текстами в широком смысле) участники уточняют и вырабатывают такую общую семантическую систему. В этой связи интересна трактовка Харре типичных психологических феноменов. Эмоции, память, мышление, Я-концепция и т.д., по его мнению, не принадлежат внутреннему психологическому миру индивида, а конструируются в процессе взаимодействия, в развернутой дискурсивной активности.

Подводя итоги, можно констатировать, что в конце XX века появляются подходы, не ограничивающиеся отдельными критическими замечаниями в адрес социальной психологии. Исследователями предлагаются новые альтернативные концепции, теории, построенные уже на новых философских и методологических основаниях. Такова ситуация, в которой возник социальный конструкционизм, — характерные для этой ситуации критические тенденции во многом развивались параллельно с конструкционистской критикой. Социальный конструкционизм стал одним из проектов построения новой парадигмы в психологии, включающим различные уровни анализа: философско-эпистемологический, метатеоретический, теоретический, а также анализ конкретных методов исследования и форм психологической практики.

«COMMUNICAMUS ERGO SUM»: СОЦИАЛЬНЫЙ
КОНСТРУКЦИОНИЗМ И КРИТИКА ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ЗНАНИЯ

Социальный конструкционизм, появление которого связано, прежде всего, с критикой традиционной эмпирической психологии и с поиском иных оснований для построения теорий, обращается к анализу культурных традиций, которые «скрыты» в тех или иных направлениях мысли, к тому «само собой разумеющемуся» в наших обыденных и научных представлениях, что на самом деле имеет исторические корни. Рассмотрим концепцию основателя социального конструкционизма К.Дж. Гергена (Джерджена).

С давних времен, как пишет К.Дж. Герген, в западной культуре утвердилась вера в силу и самодостаточность отдельного человека, индивидуального сознания, доминирует представление о способности индивидуального разума придавать смысл происходящим событиям, интерпретировать научные факты, занимать определенную позицию и обосновывать выбор (Джерджен, 1995). В Новое время такое понимание четко выразил французский философ Р. Декарт в своей знаменитой формуле «*cogito ergo sum*», в которой обоснованием существования является индивидуальный акт мысли. Картезианское представление о природе разума, — пишет Р. Харре, — «содержало две основополагающие идеи. Какими бы ни были мысль или чувство, несомненно одно — то, что они были атрибутами субъекта и обнаруживались как субъективные, то есть доступные только тому, чьим атрибутом они были». (1993, с. 119). Индивидуалистическая концепция знания была характерна для гуманизма эпохи Возрождения, рационализма и эмпиризма Нового времени, она отчетливо проявилась в позитивизме XIX века и во многих современных теориях и культурных представлениях. Так, например, основные современные западные политические и социальные институты (суд, образовательные учреждения, нормы демократического политического устройства общества и др.) основаны на вере в автономного индивида.

Однако на протяжении всего XX века, в эпоху быстрой модернизации, развития техники, появления и распространения новых и более совершенных информационных технологий (телефона, радио, компьютеров, СМИ, интернета), в эпоху глобализации и бурных социальных изменений, рождался мир, в котором различные социальные группы и культуры, вступая в более тесный диалог, обогащали друг друга. Мир каждого конкретного человека расширялся через коммуникации и диалоги с другими поколениями, другими культурами, традициями. В таком «мире взаимозависимостей» (K.J. Gergen) в центре внимания не может быть отдельный и самодостаточный человек, самостоятельно постигающий действительность. Не случайно именно в это время происходит пересмотр веры в автономного индивида, наука становится более чувствительной к происходящим социальным изменениям, взаимодействиям, коммуникациям. Происходит переоценка традиций и поиск новых альтернативных возможностей. С 60-70 годов XX века в философии, социологии, антропологии, семиотике стали появляться новые исследования культуры и языка, новые концепции знания, новые теории науки, которые сейчас относятся к так называемым постмодернистским направлениям. Это постструктурализм (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.), новые герменевтические и феноменологические концепции (Г.Г. Гадамер, А. Джорджи), культурологические, исторические и нарратологические исследования. Эти подходы зачастую являются ан-

тагонистичными и несовместимыми друг с другом, но в центре их внимания находится общий предмет исследования, общая проблематика. Это исторические и культурные традиции, источники знания и понимания, литературные и лингвистические практики. Эти направления предлагают обратиться к анализу своих оснований, к рефлексии (деконструкции у Ж. Деррида) собственной культуры и собственных концепций, подрывая основы привычного и устоявшегося. Идеи постмодернизма в психологии наиболее полно реализованы в концепции социального конструкционизма, которая, как и любая постмодернистская концепция, выходит за пределы одной дисциплины, одной области знаний, становясь междисциплинарной сферой, и отчасти философской и мировоззренческой позицией. Основатель социального конструкционизма К. Дж. Герген предложил целостную исследовательскую программу, которая и по сей день служит ориентиром для многих представителей этого направления.

ЭКЗОГЕННАЯ И ЭНДОГЕННАЯ ТРАДИЦИИ В ТРАКТОВКЕ ЗНАНИЯ

В своей статье «Движение социального конструкционизма в современной психологии» (*Джерджен*, 1995), К. Дж. Герген выделяет две основные линии трактовки знания. Первая — это традиция эмпиризма и логического позитивизма, идущая от Бэкона, Локка, Юма, Милля. Эти мыслители помещали источник знания во внешний по отношению к познающему субъекту мир; по их мнению, знание представляет собой отражение объективной реальности. К. Дж. Герген назвал эту традицию трактовки познания *экзогенной*. Приверженцы противоположного направления — *эндогенной* традиции (Декарт, Спиноза, Кант, Ницше, феноменологи) — напротив, источники знания находили, прежде всего, в самом индивиде, в некоторых внутренних, врожденных механизмах. К экзогенной традиции в психологии относятся подходы, испытывавшие сильное влияние прагматизма, позитивизма и эмпирической методологии. Наиболее ярким примером здесь может быть бихевиоризм. Эндогенная традиция представлена гештальтпсихологией, когнитивной психологией, феноменологической психологией, которые в значительной степени являются наследниками рационализма и солипсизма. В этих концепциях поведение людей определяется не миром «самим по себе», а познанным, внутренним миром.

Характерной особенностью как экзогенной, так и эндогенной традиций является признание дуализма внешнего и внутреннего, дихотомии субъекта и объекта, субъективного и объективного. Большинство эпистемологических споров в философии и психологии на протяжении многих лет шли между этими конкурирующими позициями, за признание главенства той или иной стороны дихотомии. Подтверждая известный закон маятника, на смену одной позиции приходила противоположная.

Социальный конструкционизм относится к тем немногочисленным концепциям, которые пытаются выйти за пределы привычного дуализма субъекта и объекта и обосновать иное понимание познания и внутри теории как таковой, и внутри концепции знания в целом.

Для этого конструкционисты обращаются к исследованию человеческих взаимоотношений, которые являются определяющими для осмысления мира. «Знание представляется уже не как предмет индивидуального обладания, сосре-

доточенный в пределах человеческого разума, а как продукт совместной деятельности людей. Язык, по существу, и есть совместная деятельностьЕ» (Джерджен, 1995а, с. 63).

УРОВНИ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В контексте критики индивидуалистической концепции знания Герген рассматривает две психологические теории, которые, по его мнению, наиболее точно выражают основные традиции европейской мысли — эмпиризма и рационализма (экзогенной и эндогенной линий) (Gergen, 1994). Это бихевиоризм и когнитивная психология. При этом он выделяет три уровня анализа: метатеоретический (эмпиризм и рационализм), собственно теоретический и методологический. Характеризуя ситуацию в психологии (прежде всего американской) первой половины XX века, когда главенствующим направлением был бихевиоризм в различных его вариантах, Герген констатирует соответствие между всеми уровнями: эмпирической метатеорией, теорией бихевиоризма и экспериментальной методологией. Так, эмпиризм, провозглашающий фундаментальную независимость мира природы от его наблюдения, напрямую связан с логикой объективного наблюдения и предсказания, которая воплощается в экспериментальном, гипотетико-дедуктивном методе исследования. «Состояния природы», элемент «опыта» на уровне эмпиризма, внешний «стимул» на уровне онтологии бихевиоризма, независимые переменные на уровне экспериментального метода — все это источники знаний и источники развития как теоретической системы, так и отдельного человека. «Входящие стимулы» как детерминанты процесса научения фактически тождественны по своей функции «фактам» в развитии научного знания. Также можно провести параллель между «ожиданием» на уровне индивидуального функционирования и теоретическими «гипотезами», между «положительным подкреплением» реакции и подтверждением «гипотезы». Таким образом, научение, появление новых реакций рассматривается по аналогии с развитием научной теории, то есть, теория научения воспроизводит теорию науки: для отдельного существа (будь то крыса, простой человек, исследователь или философская система) внешний, «объективный» мир является единственным источником для знания и развития.

Критика этого «конгломерата» соответственно шла на трех уровнях. На *уровне метатеории* ставились под вопрос индукция как основание для развития теории, логика верификации, критиковались идеи о независимости наблюдателя и наблюдаемого, факта и интерпретации, беспристрастности научного знания и т.д. (Т. Кун, К. Поппер, С. Тулмин, П. Фейерабенд, Ю. Хабермас, R. Quine, S. Hanson, L. Koch, L. MacIntyre и др).

На *уровне теории* критиковались бихевиористские принципы и законы. Так, например, в развитии человека признавалось значение врожденных структур. Гештальтпсихологи и многие другие исследователи (Н. Хомский, Ж. Пиаже и др.) демонстрировали невозможность объяснения всех психических способностей и закономерностей развития только внешними влияниями. Критиковался и экспериментальный метод: обсуждались валидность, надежность получаемых данных, идеологические и этические вопросы, связанные с использованием эксперимента, предлагались альтернативные методы исследования.

Эти критические тенденции привели к существенным трансформациям на всех уровнях. Однако, как замечает Герген, наиболее глубокая критика (со сторо-

ны философии и философии науки) шла либо «изнутри» эмпиризма (К. Поппер, И. Лакатос, L. Laudan, S. Bhaskar), либо со стороны антагонистического эмпиризму направления — рационализма (Т. Кун, S. Hanson) (*там же*).

Критика бихевиоризма со стороны альтернативной ему теории привела в 50-60 гг. к первой «когнитивной революции». Предметом анализа когнитивной психологии выступают схемы, информационные процессы, процессы сканирования, внутренние глубинные структуры. Однако на уровне метатеории и методологии существенных изменений не происходит: общенаучные основания существенно не меняются, а эксперимент, который был создан эмпиризму, остается основным методом исследования. Экзогенная, эмпирическая позиция по-прежнему является метатеоретическим фундаментом, основанием науки. «Однако, — пишет Герген, — претендуя на точность представления мира (т.е. поддерживая экзогенную точку зрения), исследователь-когнитивист ставит под удар свою исходную позицию, согласно которой значимым является лишь мир познанный, а не мир как таковой. В поисках объективной истины когнитивист сводит на нет значение того самого процесса, который он стремится понять» (Джерджен, 1995а, с. 62). Следовательно, можно наблюдать существенное расхождение между господствующей когнитивной теорией и ее метатеорией и методологией.

Наиболее же эффективной, по мнению Гергена, является критика, выходящая за пределы привычной оппозиции «эмпиризм-рационализм», с точки зрения альтернативных модальностей. Это идеологическая критика, которая выявляет моральный и политический подтекст эмпиризма, разоблачает его идеологическую предвзятость (Ю. Хабермас, L. MacIntyre), и социальная критика, делающая акцент на роли социальных процессов в генерации форм понимания. Так, например, П. Фейерабенд рассматривал рациональность как одну из форм культурных традиций (1986), а Т. Кун подчеркивал важность научного сообщества в поддержании парадигмы и оценке получаемых знаний (2002). В отличие от эмпиризма и рационализма, которые приписывают знание отдельному индивиду, эта позиция определяет знание как продукт социальных взаимодействий и взаимоотношений. Именно критика этих позиций является основанием той концепции, которую К.Дж. Герген назвал социальным конструкционизмом.

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ИСТОРИЯ

В своей программной статье «Социальная психология как история» К.Дж. Герген ставит под сомнение возможность существования абсолютных, внеисторических и в значительной степени внекультурных законов человеческой жизнедеятельности (Джерджен, 1995). Основная цель, которую сформулировал автор, заключается в том, чтобы «доказать, что социально-психологическое исследование есть по преимуществу исследование историческое» (с. 25), поскольку имеет дело с постоянно изменяющимися и в значительной степени неповторимыми явлениями.

Конструкционистская критика, как пишет А. Корбут, это всегда *историческая* критика, поскольку она выявляет, «в какой исторический момент возникла

данная практика, в каком историческом контексте она была легитимирована» (цит. по Джерджен, 2003, с. 7). История при этом понимается не как общие, абсолютные законы, а как локальные и узкие процессы взаимодействия, происходящие в определенном контексте и с определенными целями. Социальная жизнь, таким образом, нестабильна и изменчива, а значит, нормы и образцы поведения, социального взаимодействия подвержены непрерывным трансформациям во времени. Следовательно, необходима наука, которая учитывала бы происходящие социальные изменения, ведь, по словам А. Тэшфела «нельзя адекватно предсказать поведение в мифически неизменяемом мире» (цит. по Андреева, 2002, с. 246-247).

Большое влияние на становление идей Гергена оказала классическая работа Г.Г. Гадамера «Истина и метод» (1988). Центральный для герменевтики вопрос о сущности понимания был обращен Гергеном и к психологии. Тезис о существовании в нашем познании некоторого предпонимания стал одним из центральных для мета-теории конструкционизма. «Е Стало очевидно, — пишет Герген, — что чтение “внутреннего психологического мира” осуществляется исходя из ряда предположений. Фактически тот психологический мир, который столь дорог сердцу многих социальных психологов, является социальной конструкцией, а данные, используемые для оправдания суждений об этом мире, валидны только в границах теоретических (и метатеоретических) парадигм поля» (Джерджен, 2003, с. 37). Мало того, что интерпретации данных появляются только внутри определенного научного сообщества (шире — исторической традиции, исторического способа мысли), в большой степени они определяются тем контекстом, в котором возникли, и не могут быть выведены непосредственно из неких «объективных фактов». Наши интерпретации имеют и обратное влияние на культуру. Проникая в общество, социально-психологические знания преобразуют его, предлагая новые объяснения феноменов человеческого существования и видоизменяя поведенческие паттерны.

Идея провозглашения исходной включенности науки в общество, их взаимного обогащения и обусловленности теорий конкретными историческими условиями становится центральной для социального конструкционизма. Так, исследование непереносимости когнитивных противоречий теорией когнитивного диссонанса, анализ каузальной атрибуции, феномена лидерства, изучение групповой динамики и т.д. связаны с определенными культурными традициями и представлениями, социальными и политическими установками. Таким образом, как психологические феномены, так и сами психологические теории (что можно различить только в абстракции), подвержены историческим изменениям, а значит, не могут признаваться абсолютными и вневременными.

Важным является тезис Гергена о ценностной нагруженности психологических теорий. Давая оценки некоторым психологическим феноменам, психологи тем самым участвуют в формировании социальной реальности, *volens volens* создавая образ «нормального», «успешного» человека, рисуя картину «правильного» и «должного» поведения. При этом некоторые поведенческие паттерны, феномены оправдываются, делаются более желательными (например, самостоятельность и независимость, логичность и разумность, уравновешенность), а некоторые признаются недостатками (конформизм, непоследовательность, ориентация скорее на чувства, нежели на разум, агрессия), в культуре формируются новые установки и нормы поведения. Таким образом, психология, используя научную терминологию, вовлекает людей в определенные отношения,

дискурсивные практики, внутри которых описываемые феномены только и могут быть квалифицированы.

Поскольку традиционной психологией существующая реальность представлялась объективной, универсальной и внеисторической, ее не интересовала роль культуры в конструировании будущего. Научное исследование провозглашалось ценностно нейтральным, беспристрастным и объективным изучением существующей реальности. Однако замена такой установки на установку социальной вовлеченности науки в культурную жизнь требует от психологии обращения не столько к тому, что есть, сколько к тому, что будет и что может быть. Психология, таким образом, наделяется способностью участвовать в творении реальности, конструировании новых языков, логик и новых форм жизни.

В свете этих аргументов развитие социальной психологии, по мнению Гергена, должно идти иным образом. Программа изменений заключается в следующем:

- движение в сторону интеграции чистого и прикладного знания (поскольку их четкое разграничение делается проблематичным);
- переориентация с прогнозирования поведения и контроля над ним на обострение социальной восприимчивости. Психологическое знание, становясь в значительной степени достоянием общественности, может изменять социальную чувствительность к некоторым факторам, формировать новые формы поведения, облегчая тем самым адаптацию;
- разработка индикаторов, выявляющих изменение психосоциальных диспозиций. Социально-психологические процессы следует рассматривать в тесной зависимости от общекультурных процессов, происходящих в данный момент времени: необходимо исследовать изменения психологических феноменов, установок во времени, степень их распространения в обществе, их роли в различных субкультурах и т.д.;
- изучение стабильности поведения, дифференциация феноменов по степени их изменчивости-стабильности во времени. Необходимо рассматривать «континуум исторических деятельностей», на одном полюсе которого сосредоточены процессы, наиболее подверженные историческому влиянию, а на другом — явления, обладающие наивысшей исторической стабильностью» (Джерджен, 1995б, с. 47);
- создание единой социально-исторической науки, которая интегрировала бы в себе знания множества дисциплин гуманитарного толка (психологии, истории, социологии, политологии, экономики и др.). Психолог должен быть чувствительным к происходящим историческим изменениям, должен уметь улавливать взаимосвязь событий в их историческом контексте.

Вышеперечисленные принципы были предложены Гергеном уже в его ранних статьях. Исторический анализ, изучение социальных процессов, по его мнению, должны заменить традиционно понимаемую общую психологию, равно как и эпистемологию и философию науки (с их стремлением вывести универсальные внеисторические законы, получить абстрактное и объективное знание, найти фундаментальные основания науки) (Джерджен, 1995а, с. 52).

Построению социальной психологии, которая «рассматривает себя в виде социального процесса, а свой вклад в культуру — в категориях социального конструирования» и посвятил большинство своих работ К.Дж. Герген (Джерджен, 2003, с.38). «В этой перспективе, — отмечает он, — представляется особенно важным запуск процессов рефлексивного обсуждения процессов, которые демонстрируют исторически и культурно заданный характер само собой разумеющегося мира, указывают на его реп-

рессивный потенциал и дают право другим голосам принимать участие в культурных диалогах» (там же, с. 41).

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Отказываясь от онтологизации психологических феноменов, социальный конструкционизм помещает их в контекст определенных социальных и исторических отношений, а, следовательно, делает их условными, а не абсолютными. Любые научные разработки и требования, в том числе, попытки создать определенную онтологию, установить незыблемые принципы и открыть объективные законы, не отрицаются социальным конструкционизмом, но помещаются в социальный контекст, в котором они возникли и в котором только и имеют силу, а значит, делаются относительными. «Ставя под удар собственные лозунги об истине и морали, мы можем жить менее агрессивно, более толерантно и даже более творчески с другими в этом мире» (Джерджен, 1995) Конструкционистская критика «умеряет самонадеянные претензии на безграничную всеобщность, истину вне культуры и истории и факт без интерпретации», призывает к «подобающей скромности» (Джерджен, 2003, с.55).

Анализ социального конструкционизма направлен на раскрытие тех принципов, которые лежат в основе той или иной концепции и часто являются «само собой разумеющимися», непреложными истинами. Эксплицируются те критерии, на основании которых мы принимаем решения, устанавливаем нечто как существующее в действительности, доказываем «истинность» теории, подтверждаем гипотезы, оправдываем некоторые поступки. Сами эти критерии чаще всего не осознаются, но они являются социально сконструированными, установленными в контексте социальных взаимоотношений. Так, способы доказательства в науке представляют собой некие конвенции, возникшие в определенной культуре и определенных социальных условиях. Однажды они победили и были приняты на веру, а в современных условиях уже не подвергаются сомнению, и любой исследователь может удивленно воскликнуть: «А как же иначе?!»

Тот факт, что может быть иначе, что могут быть другие основания для знания, другие критерии истинности, другие принципы, становится очевидным, когда мы сталкиваемся с чем-то, что выходит за пределы нашего понимания, вызывает споры, кажется странным. Как показано рядом авторов (отчетливо это было продемонстрировано в концепции этнометодологии Г. Гарфинкеля), при столкновении различных культур одни нормы, ценности могут вступать в противоречие с иными нормами, ценностями, правилами, стереотипами. Это неминуемо приводит к их осознанию и вследствие этого к их переосмыслению и трансформации.

В условиях современного мира, когда на поверхность выходят разнообразные концепции и идеологии, звучат голоса различных культур и сообществ, притязания на абсолют, на истинность и объективность определенной точки зрения, конкретной позиции становятся мишенью жесткой критики. «К концу XX века, — пишет М.С. Гусельцева, — интеллектуальный мир стал рефлексивнее и толерантнее: дурным тоном сделалось пребывать в убеждении, что исключительно наша точка зрения верна, а незыблемость личности — признак ее душевного здоровья. Пришло понимание того, что *любая теория спекулятивна* (особенно четко эту методологическую проблему высветил постпозитивизм), поскольку имеет в своей

основе интуиции и *внелогические предпочтения*. Настало время для толерантности, для осознания взаимодополнительности разных познавательных “логик” Е» (2003, с. 24). Все чаще раздаются призывы к тому, чтобы установить плюрализм мнений и признать право на существование различных точек зрения. Эти идеи реализовываются как в философии, этике, общественной идеологии, так и в методологии науки. Характерна концепция теоретического анархизма П. Фейерабенда, главный принцип которой — «anything goes» («допустимо все»). «ЕВ единстве мнений, — пишет Фейерабэнд, — нуждается церковь, испуганные или корыстные жертвы некоторых (древних или современных) мифов либо слабовольные и добровольные последователи какого-либо тирана. Для объективного познания необходимо разнообразие мнений. И метод, поощряющий такое разнообразие, является единственным, совместимым с гуманистической позицией» (1986, с. 178). При этом право на существование получают не просто различные теории в науке, но и различные идеологии, мифы, религии, которые, по мнению автора, часто содержат в себе не меньший потенциал, чем строгая объективная наука.

Однако социальный конструкционизм далек от идей вседозволенности и анархизма во всех его проявлениях. Признавая возможность существования различных позиций, идеологий, логик *теоретически*, он не обосновывает возможность их *практической* реализации. То, что возможно в принципе, не обязательно возможно на практике. Все будет определяться той культурной и исторической ситуацией, тем социальным контекстом, в котором «заговорит» та или иная концепция, теми социальными взаимодействиями, в которые она будет включена. Только решая определенные задачи, обращаясь к кому-то на понятном и убедительном языке, концепция может утвердиться в обществе как «истинная» или просто возможная. При этом решающим оказывается тот потенциал, который несет в себе та или иная позиция, ее *конструктивные* возможности, способность установить новые формы практики, сферы жизни, предложить новые языки, обеспечить новые виды взаимодействия, спровоцировать дискуссии. Уравнивая в правах различные концепции, конструкционисты предлагают расширить диапазон возможных способов интерпретации и увидеть разнообразный и многомерный мир.

Подводя итоги, отметим, что социальный конструкционизм, не отрицая другие теории, но приглашая их к продуктивному диалогу и открывая альтернативные пути для дальнейшего поиска, предлагает тем самым не просто научные принципы, но и определенное мировоззрение, своеобразную научную этику. Социальный конструкционизм представляет собой альтернативу индивидуалистическим концепциям знания. Однако здесь важно подчеркнуть, что он никоим образом не влечет за собой отказ от традиционных подходов, скорее, помещает их в иные рамки и иначе расставляет акценты.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Поскольку отличительной чертой данного направления является интерес к процессам коммуникации, взаимодействия, в которых рождается, *конструируется* знание, в центре внимания оказывается *язык*.

С наивной, обыденной точки зрения, как и для большинства теоретических подходов, язык представляет собой некое средство для передачи объективной истины, не зависящей от исторической ситуации и культуры. Отдельное слово или научный термин являются средствами отражения некой реальности, существу-

щей вне языка. Язык наделяется способностью изображать, отражать, выражать и передавать истину, содержать в себе абсолютное объективное знание. Эта теория языка получила название корреспондентной теории (язык выступает как некоторое «транспортное средство» для «перевозки» истины). Так, согласно концепции Б. Рассела объективное знание может быть сведено к элементарным утверждениям, истинность которых основывается на четких и ясных изолированных фактах.

Однако могут возникать сомнения, когда мы рассматриваем описания людей в повседневной жизни, когда один и тот же термин может использоваться в совершенно разных контекстах и значениях, а целый набор слов может относиться только к определенной сфере знаний. При этом становится очевидной необходимость поставить под вопрос наше представление о языке и необходимость глубокой проблематизации отношений между языком описания и «описываемым» миром. Многие направления в философии и науке, такие как пост-эмпиризм, постструктурализм, постмодернизм предлагают другие концепции знака, в которых ставится под сомнение четкое соответствие между языком и «реальностью», пересматривается роль языка в социальных отношениях.

Следует отметить, что проблема языка находится в центре внимания всех основных направлений философии XX века. Если философия с XVI-XVII в. и до начала XX в. ориентировалась, прежде всего, на анализ сознания, то в 20-х годах происходит то, что позже будет названо «поворот к языку» (linguistic turn). В последнее время термин «linguistic turn» связывают в основном с концепцией Л. Витгенштейна и постмодернистскими направлениями 60-70-х годов, однако, сам «поворот» произошел значительно раньше. Философия языка, начиная с работ 20-х годов Э. Кассирера, К. Фослера, русских формалистов, М. Бахтина, Г. Шпета становится ведущим направлением в философии XX века. А в 50-60-х годах происходит новый подъем интереса к этой проблематике в герменевтике (Г.Г. Гадамер), французском структурализме и постструктурализме (К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида и др.), в концепции Л. Витгенштейна. При всех существенных различиях и даже «непримеримости» этих направлений их объединяет общий предмет изучения — это знак, язык, высказывание.

Линии критики

К.Дж. Герген выделяет три основных подхода, которые ставят под угрозу традиционную эмпирическую концепцию знания, разрушают статус знака как несущего истину и помещают язык в более широкий социально-исторический контекст (Gergen, 1994). Эти направления критики, бесспорно, оказали существенное влияние на появление социального конструкционизма.

1. *Идеологическая критика* нацелена на разоблачение политических намерений, интересов, предубеждений, которые стоят за беспристрастным и объективным на первый взгляд знанием. «Выбор того или иного описания и объяснения, — пишет Герген, — ведет к определенным моральным и политическим последствиям» (2003, с. 51). Знание выводится, таким образом, не из «объективного мира», а из интересов «авторов» и идеологии общества. «Ценностная тенденциозность может оказаться неизбежной, но мы в состоянии избежать ее облачения в костюм объективной истины» (1995б, с. 32).

2. *Литературно-риторическая* критика замещает объективные факты, события внешнего мира некими конвенциями, текстом, особенностями литературного толкования. Так, для Т. Куна научная парадигма представляет собой совокупность первичных верований и установок и определяет то, что будет считаться фактами. Исследователь, по Куну, буквально видит мир сквозь призму теории, которая понимается здесь как некое когнитивное образование (характерна трактовка Куном смены парадигм как переструктурирования гештальта).

Более продуктивным в этом направлении критики, по мнению Гергена, является перемещение фокуса внимания с априорных взглядов на языковые процессы, жанры, коды и пр. «ЕМы существенно выигрываем, — пишет он, — если рассматриваем процессы, структурирующие мир, скорее как лингвистические, нежели когнитивные» (Gergen, 1994, p.37). Поскольку наше описание мира здесь понимается как производное от неких внутренних языковых структур и осуществляется по законам лингвистики, сами объекты наблюдения теряют свой онтологический статус, и важное значение приобретают риторические методы и убедительная аргументация. Эта линия анализа идет от структурализма Ф. де Соссюра, К. Леви-Стросса, М. Фуко, Н. Хомского, семиотики Р. Барта, деконструктивизма Ж. Деррида, культурной антропологии и др. Представители этих направлений рассматривают «внешние» проявления, процессы как выражение скрытого внутреннего содержания, имеющего, прежде всего, языковую структуру. Знание, истина приравниваются к метафорам и иллюзиям, «о которых забыто, что они иллюзии» (Ницше), а любые споры и диалоги в науке — к сражению между конкурирующими литературными традициями, речевыми жанрами, формами повествования. Таким образом, анализ психологических теорий в рамках этих традиций представляет собой раскрытие тех метафор, согласно которым исследователи строят свои онтологии (например, метафора человека-автомата, человека-компьютера и пр.).

3. Движение, оказавшее наибольшее влияние на социальный конструкционизм, по мнению Гергена, — это движение *социальной критики*, идущее, прежде всего, от таких социологов, как М. Вебер, М. Шелер, К. Мангейм. Вслед за этими авторами язык, высказывание (и знание в целом) рассматриваются как социальные процессы, исследуется социальное развитие научной мысли, выявляется культурный контекст оформления тех или иных идей. При этом особое значение приобретают исследования микросоциальных процессов, в которых продуцируются научные знания и научная терминология (например, процесса получения знаний в лаборатории, влияния группы на определение проблемной области и на способ интерпретации данных, методов убеждения и т.д.). В 70-80-х гг. изучению этих процессов был посвящен ряд работ (J. Latour, M. Woolgar, R. Mulkey, M. Knorr-Cetina и др.). Также сильное влияние на развитие конструкционистского подхода оказала концепция этнометодологии Г. Гарфинкеля и его последователей, некоторые исторические и культурантропологические исследования.

Конструкционистская критика

Научная практика, как и любые взаимодействия между людьми, любое получение знания, признаются социальным конструированием, которое может быть понято только исходя из самих процессов взаимодействия, коммуникаций внутри группы. Эта позиция, по мнению Гергена, является наиболее продуктивной и может являться основанием для объединения двух других подходов (идеологической и

литературно-риторической критик). Знание, язык выходят за пределы «тюрьмы текста» («Ничего нет вне текста», — Ж. Деррида), лингвистических конвенций и идеологии и перемещаются в сферу социального взаимодействия, общения людей. Слова из чисто формальных, пассивных знаков превращаются в средства конструирования мира, созидания реальности. Слова активны, поскольку используются людьми во взаимоотношениях, в которых только и наделяются силой.

Использование таких терминов, как, например, «память», «агрессия», «переживание», «личность» оправдано не потому, что они якобы имеют объективные эквиваленты в реальности (вне языка), но потому, что они социально полезны, делают удобным наше взаимодействие и конституируют определенную форму понимания.

Нетрудно заметить, что в своем понимании отношений языка и мира социальный конструкционизм очень близок концепции Л. Витгенштейна. По мнению Витгенштейна, значения являются производными от их социального использования и устанавливаются через их функционирование внутри набора конкретных правил. Таким образом, использование терминов («языковые игры») — это некоторая деятельность, которая включена в более широкие сферы жизни, формы культурной активности (1994).

Одной из форм таких языковых игр можно считать и научно-исследовательскую деятельность, практику научных сообществ. В этой связи особый интерес представляют работы по микросоциологии науки (J. Latour, M. Woolgar, M. Knorr-Cetina и др). В своей статье «Социальная эпистемология: передача знания посредством речи» Р. Харре обращается к микросоциальному анализу функционирования научных сообществ, передачи знаний внутри групп ученых, к смысловому содержанию речевых высказываний (1992). Научное сообщество, по мнению Харре, можно рассматривать как некоторый моральный орден, отношения внутри которого основаны на доверии авторитетным ученым, коллегам. «Доверие к чьим-то результатам, — пишет он, — зависит в большей степени от нашей веры в этого человека» (*там же*, с 54). Если провести анализ (возможно, даже самоанализ) деятельности исследователей, то выяснится, что многое из того, что является для ученого очевидным, тем, что не подвергается сомнению и часто вообще не эксплицируется, изначально основано на личном доверии. Репутацию научного деятеля, таким образом, можно рассматривать как одну из важнейших эпистемологических переменных. Через систему ученичества, через использование определенных методов убеждения и норм научного повествования, через своеобразные ритуалы посвящения, передачу «личностного знания» (М. Полани) формируется научное сообщество, которое следует определенным правилам, некоторому «моральному кодексу» ученых.

Что же это за «кодекс»? Научная речь (как устная, так и письменная), — пишет Харре, — организована по определенным правилам, включает в себя различные риторические приемы и определенные условности повествования. Все эти правила передаются от поколения к поколению, от учителей к ученикам, которые еще со школьной скамьи осваивают научную риторику, и выражают принадлежность к научному сообществу. Среди таких правил и приемов Харре называет: правила выдвижения, формулирования и подтверждения гипотез, использование определенного рода терминологии, употребление местоимения «мы» вместо «я» в научных текстах, обязательное перечисление во введении ошибок и недочетов предшественников, ритуалы цитирования, ссылки на авторитеты в подтверждение или подкрепление своей позиции, подробное описание методов исследования, использованной аппаратуры и пр.

Именно благодаря таким приемам научная речь становится убедительной, а сообщение имеет воздействие на определенную аудиторию. «Рассказчик вступает в виде скромного, но квалифицированного приверженца морального кодекса, членом которого хочет считаться» (*там же*, с. 59). Само сообщение при этом можно представить как определенного рода повествование, построенное по особым законам жанра — это некая «драма научного исследования», в которой роли четко распределены и заранее задан порядок сцен и сюжетных линий.

Однако изложение полученных результатов претерпевает значительные изменения во времени. Если в реальности результат исследования в значительной степени зависит от условий проведения эксперимента, конкретных испытуемых, выбранного метода исследования, а интерпретация связана с определенными научными традициями, то само описание данных разворачивается по определенному сценарию. Как показали J. Latour и M. Woolgar, в научных публикациях авторы зачастую придерживаются особо строгой формы изложения: описания «очищаются» от всего личного, от ссылок на авторитеты, на время и место проведения исследования, потом и от указаний на технику, аппаратуру, методы. Часто опускается даже имя автора данного исследования, и факт, полностью очищенный от контекста своего возникновения, приобретает, таким образом, видимость объективного, абсолютного и безличного. Описание научного исследования превращается в безличную индуктивную схему, в которой безусловные истины выводятся одна из другой по законам чистой логики. Таким образом, для понимания природы научного знания необходимо обратиться к языковым практикам, методам убеждения и риторическим приемам, действующим внутри научных сообществ, и провести радикальное переосмысление природы научной речи. Анализ таких социальных процессов показывает, как происходит конструирование «истины», «достоверных результатов», «подтвержденных гипотез» и т.д. и соответственно необоснованность любых притязаний на фактическую достоверность.

В целом конструкционистскую концепцию языка и знания, которая жестко противопоставляет себя корреспондентной и позитивистской концепциям истины, можно выразить в следующих положениях:

1. Термины, в которых мы описываем мир, получаемые знания и научные интерпретации не выводятся из объектов наблюдения, фактов как таковых, не являются их выражением или отражением. Само существование объективной реальности, мира (и научного, и обыденного) вне языка должно быть поставлено под сомнение.

2. Формы понимания мира и научные понятия являются социальными артефактами, продуктами взаимоотношений, взаимообменов между людьми определенной культуры и исторической ситуации. «Е Понимание мира есть результат активной совместной деятельности людей, вступающих во взаимные отношения» (*Джерджен, 1995а, с. 55*).

3. Слова диалогичны и интериндивидуальны (М.М. Бахтин), наделяются значениями только внутри контекста продолжающихся отношений, являются результатом «объединенного действия» (Дж. Шоттер).

4. Степень влияния, распространенность и устойчивость во времени некоторой концепции зависят не от ее объективной валидности, а от характера социальных процессов в науке и культуре. Именно в них рождается определенная тер-

минология и одни интерпретации признаются более легитимными, чем другие. «Галилей победил, — пишет П. Фейерабенд, — благодаря своему стилю и блестящей технике убеждения, благодаря тому, что писал на итальянском, а не на латинском языке, а также — благодаря тому, что обращался к людям, пылко протестующим против старых идей и связанных с ними канонов обучения» (1986, с. 112).

5. Описания мира, способы его осмысления и понимания тесно связаны с различными видами человеческой деятельности. Они оказывают сильное влияние на социальную и культурную жизнь в целом, конституируют определенные образцы, нормы поведения.

6. Слова наделяются значениями через способ функционирования внутри определенных форм взаимодействий, социальных практик.

Язык теории и культурные практики

Такая трактовка знания и языка (они в данном случае неразрывны) имеет важные последствия для человеческой практики. Через научную терминологию концепции как бы «вешают ярлыки» на человеческие действия, предлагая то или иное обоснование деятельности, взаимодействий, выдвигая то или иное объяснение человеческого поведения. Науки о человеке наделяются способностью оказывать разностороннее влияние на существующие в культуре формы жизни тем, что: во-первых, поддерживают и укрепляют уже установленные традиции, во-вторых, помогают людям жить более полно и насыщенно внутри них, в-третьих, продуцируют новые практики, предоставляют новые альтернативные возможности для существования, взаимодействия, понимания. Так, объяснения в терминах индивидуальных психологических процессов будут иметь иные последствия для практики и иные влияния на поведение по сравнению с объяснениями в терминах социальных структур. Теории, отрицающие индивидуальную активность и ответственность, будут разрабатывать практические методы, отличные от методов тех теорий, которые делают акцент на субъекте, самостоятельно принимающем решение. Транслируя определенные способы осмысления мира, участвуя в различных культурных практиках, науки о человеке конструируют образцы и линии поведения. Для конструктористов язык науки, таким образом, служит прагматическим целям: он утверждает одни формы активности и препятствует появлению и укреплению других.

Слова и концепции, распространяясь в культуре, зачастую приобретают статус вечности и тотальную объяснительную силу. Но парадоксальным образом любая система знаний, претендующая на истинность, универсальность и абсолют оказывается ограниченной и нечувствительной к происходящим изменениям. Доказав внеисторическую справедливость какого-то утверждения, мы неизбежно будем слепы к социальному неравенству, а раз и навсегда разрешив конфликт — потеряем чувствительность к страданиям. По мнению Гергена, через исторический и культурный анализ необходимо возвращать идеи и интерпретации, которые раздулись в универсальную систему (подобно «лягушке, раздувшейся в вола», как сказал бы Л.С. Выготский), в их узкие контекстные рамки. И особенно важным в этой связи представляется построение теорий, которые были бы не закрытой и завершенной системой знаний, но социальным процессом, действием, той активностью, которая пронизывала бы собой жизнь, делая возможным *диалог* и различные способы существования и осмысления мира.

Следуя такому пониманию роли концептуальных схем в культуре, Герген предложил термин «generative theory» (порождающая теория) (Gergen, 1994). Под

порождающей теорией он подразумевал систему взглядов, которая противоречит традиционным и устоявшимся мнениям данной культуры, и которая открывает широкий потенциал для трансформации старых и установления новых форм понимания. Такие теории (примером может служить психоанализ З. Фрейда) несут в себе источники порождения новых видов взаимодействия, новых форм практики и методов исследования, оказывая особенно сильное влияние на культурную жизнь.

Сходного мнения придерживался П. Фейерабенд: «Условие совместимости (consistency), согласно которому новые гипотезы логически должны быть согласованы с ранее признанными *теориями*, неразумно, поскольку оно сохраняет более старую, а не лучшую теорию. Гипотезы, противоречащие подтвержденным теориям, доставляют нам свидетельства, которые не могут быть получены никаким другим способом. Пролиферация теорий благотворна для науки, в то время как их единообразие ослабляет ее критическую силу. Кроме того, единообразие подвергает опасности свободное развитие индивида» (1986, с. 220).

Отметим, что порождающая сила теории, ее творческий потенциал, способность продуцировать новые виды деятельности и смыслы, ее диалогичность могут быть важными критериями для ее оценки и даже основаниями для принятия или отвержения.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ М.М. БАХТИНА И Г.Г. ГАДАМЕРА: ДИАЛОГ КАК ПОСТРОЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Важными источниками подходов, которые можно причислить к социальному конструкционизму, стали работы М.М. Бахтина и Г.Г. Гадамера, посвященные диалогу (см., например, *Джерджен*, 2003; *Шоттер*, 1996). Представители столь широкого сегодня направления «Dialogical self» напрямую заимствуют свои идеи у М.М. Бахтина. Авторы, работающие в ключе диалогического подхода, и, прежде всего, идеолог «Dialogical self» Г. Херманс, развивают представления о я как о диалогической структуре, о интериндивидуальности речи и полифоничности сознания (см. *Улановский, Барский*, 2004, с. 129-131). В июле 2002 года было создано Международное общество диалогической науки (ISDS) (интернет-сайт: www.dialogicalscience.org), целью которого является развитие концепций, связанных с проблематикой диалога, и разработка соответствующих исследовательских методов.

Как мы уже отмечали, проблема языка, знака находится в центре внимания социального конструкционизма. Поэтому ссылки конструкционистов на идеи Бахтина и Гадамера как на представителей диалогического направления в философии языка являются закономерными.

Как известно, Аристотель, а за ним значительное число философов и лингвистов, считал достойным изучения только апофантические языковые формы (от греч. *apophansis* — высказывание-суждение): это «чистые» суждения, такие виды речи, в которых нечто утверждается об истинности или ложности, о существовании чего-то в действительности. Все остальное, по Аристотелю (мольба, приказ, просьба, молитва), имеет не теоретический, а мирской, жизненный характер (*Аристотель*, «Об истолковании»). «Прочие виды речи» он списал риторике и поэзии. Эта логоцентрическая традиция была с особой остротой поставлена под вопрос в философии XX века.

Вместе с отказом от гносеологизма в философию пришло понимание значимости живой речи, индивидуальных, имеющих конкретное историческое время и место, высказываний и утверждение того, что для понимания высказы-

вания необходимо учитывать его контекст (не только культурно-исторический, но конкретный — вопросно-ответный: кем, кому, где и ради чего сказано). В целом это поворот от чистых и абстрактных высказываний-истин (М. Хайдеггер связывал их с понятием факта) к жизненной речи, переход от понимания языка как несущего истину к практическим функциям языка внутри взаимодействий (от констативных к перформативным пропозициям по Дж. Остину). Используя русскоязычные термины, принятые в философии, можно говорить о переходе от анализа *высказывающей речи* (апофантических форм), которая предполагает объективное значение, к анализу *высказывающейся речи*, в которой особое значение имеет автор и адресат.

Преодоление аристотелевской традиции в нашей стране осуществил М.М. Бахтин. Неслучайно, С.С. Аверинцев назвал Аристотеля главным оппонентом Бахтина. Известно также изречение М. Хайдеггера «греки — это вызов для нас». В западной традиции этот «вызов» также принял Г.Г. Гадамер, чьи идеи очень близки как идеям М. Хайдеггера, так и М.М. Бахтина.

В своей концепции М.М. Бахтин выступал против понимания высказывания как изолированного замкнутого монологического акта. «Диалогическое общение, — писал он, — сфера подлинной жизни слова» (Волошинов, 1939, с. 270). Исследованию сферы диалогических отношений подчинены все задачи «металингвистики» Бахтина, главным предметом которой является «*двуголосое слово*, неизбежно рождающееся в условиях диалогического общения, то есть в условиях подлинной жизни слова» (1979а, с. 214). По мнению Бахтина, необходимо учитывать контекст мысли, высказывания, ее автора и адресата. Высказывание существует только как чье-то высказывание, адресованное кому-то. «Слово (вообще всякий знак), — пишет он, — межиндивидуально. Все сказанное, выраженное находится вне “души” говорящего, не принадлежит только ему. Слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но есть они и у слушателя, свои права у тех, чьи голоса звучат в преднайденном автором слове (ведь ничьих слов нет)» (1979б, с. 300).

В диалоге происходит активное восприятие и передача чужого слова. Бахтиным особенно подчеркивается активная роль другого в процессе речевого общения: «Существенным (конститутивным) признаком высказывания является его *обращенность* к кому-либо, его *адресованность*. В отличие от значащих единиц языка — слова и предложения, — которые безличны, ничьи и никому не адресованы, высказывание имеет и автора (и, соответственно, экспрессиюЕ) и адресата» (1979б, с. 275). Таким образом, Бахтин принимает за единицу речевого общения высказывание (вместо слова и предложения). «Е Речь, — пишет он, — может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может» (1979б, с. 249). Высказывание обращено на другого человека, то есть уже в самой своей структуре подразумевает ответную реакцию на него.

Эти идеи нашли отражение в теории речевых жанров Бахтина. Как пишет об этом Дж. Шотгер, «при общении все его участники должны адресовать свои высказывания или поступки, когда приходит их очередь говорить или действоватьЕ в такой существующий в пространстве и времени развивающийся *интралингвистически* созданный контекст, — для того, чтобы их участие было сочтено остальными участниками соответствующим сложившейся ситуации. Именно характер этой пространственно-временной сети интралингвис-

тических откликов, сети, несущей на себе следы социо-культурной истории индивида, является ключом к дальнейшему пониманию природы психических процессов. Именно здесь Бахтинская концепция речевых жанров играет особую роль» (Шоттер, 1996, с.92).

Каждое высказывание имеет определенное предметно-смысловое содержание, внутри него «значение слова отнесено к определенной реальной действительности в определенных же реальных условиях речевого общения» (Бахтин, 1979б, с. 265). Особенно Бахтин подчеркивал необходимость анализа живого, становящегося высказывания. С этим связана критика «филологизма», лингвистического мышления, которую предложили М.М. Бахтин, а через несколько десятков лет — Г.Г. Гадамер. По их мнению, лингвистика занимается изучением мертвых языков, завершенных монологических высказываний древнего исторического памятника — мертвого языка, и не может подойти, используя те же методы исследования, к изучению живого языка, который развивается и изменяется.

В одной из своих ранних программных работ «Марксизм и философия языка» М.М. Бахтин рассматривает две линии в философии языка, два подхода к проблеме высказывания (Волошинов, 1929). Первую он назвал «абстрактный объективизм» — это традиция, идущая от Ф. Соссюра и представленная в основном структурализмом. С точки зрения абстрактного объективизма, язык представляет собой систему самоидентифицируемых, повторяемых (чисто языковых), нормативных, надиндивидуальных элементов, абстрактных, застывших форм. В традиции, идущей от В. Гумбольда — «субъективном индивидуализме», который представлен школой К. Фосслера (Э. Ауэрбах, Б. Крочи и др.) язык, напротив, понимается, прежде всего, как живой индивидуальный творческий акт. В высказывании в первую очередь важны субъективные, личностные моменты. Языковые явления понимаются как исторические и конкретно-индивидуальные.

По мнению Бахтина, обе традиции не схватывают в высказывании самого главного — ни в нормативных, ни в индивидуальных моментах. Для обеих традиций и те, и другие моменты превращаются в абстракции. Только с точки зрения индивидуального сознания язык может быть чем-то нормативным, независимым от этого сознания. Если же мы займем объективную позицию по отношению к языку, мы обнаружим, что язык может быть только живым, *становящимся*. Таким образом, Бахтин переворачивает традиционные подходы к языку — как подход абстрактного объективизма, так и субъективного индивидуализма. Сам знак «находится между организованными индивидами... он является средой, medium'ом их общения. Знак может возникнуть лишь на *межиндивидуальной территории*, причем эта территория не “природная” в непосредственном смысле этого слова. Необходимо, чтобы два индивида были *социально организованы*, — составляли коллектив: лишь тогда между ними может образоваться знаковая среда» (Волошинов, 1929, с. 19).

Концепция языка М.М. Бахтина и Г.Г. Гадамера преодолевает дихотомию индивидуально-личностного и общенормативного в высказывании. «Для говорящего, по мнению М. М. Бахтина, важно не существование стандартных нормативных форм в “наборе инструментов” языка (как, например, существуют стандартные инструменты в ящике плотника), но то, что в различных конкретных контекстах эти формы могут применяться в новых, творческих целях. Таким образом, говорящий ценит в слове не столько форму, которая остается неизменной во всех случаях его применения, сколько возможность должным образом использовать его в данном контексте.

Для говорящего важно не то, что определенная лингвистическая форма является постоянным и всегда эквивалентным себе сигналом, а то, что она — изменяемый и при-способляемый знак» (Шоттер, 1996, с. 98).

По мнению Гадамера, любое высказывание сверхперсоналистично, хотя и сам субъект участвует в нем, поэтому в анализе высказывания необходимо показать внеличностные моменты, но при этом удержать и саму личность говорящего. Язык Гадамер рассматривает не исходя из индивида, (что характерно для романо-германской линии в философии языка — К. Фосслера, Б. Крочи, Э. Ауэрбаха), а из той культурной речевой среды, в которой высказывание происходит. В центре внимания оказывается не отдельный человек и его индивидуальное творчество, а сама ситуация говорения, та речевая среда, которая делает возможной само высказывание. Гадамер пишет: «В языке становится видимой та действительность, которая возвышается над сознанием каждого конкретного человека» (1988, с. 520).

Похожий ход был сделан, как уже было показано, и М.М. Бахтиным в его трактовке высказывания как хорового явления. Все внеличностные предпосылки рассматриваются как условия возможности каждого конкретного высказывания, сама индивидуальность при этом не уничтожается, а, напротив, делается возможной. «Язык, — пишет Гадамер, — есть та среда, в которой происходит процесс взаимного договаривания собеседников и обретается взаимопонимание по поводу самого дела» (там же, с. 447). Центральное место в его концепции занимает не отдельная личность, а разговор, процесс, внутри которого становятся явственными другие голоса. «Разговор есть процесс взаимопонимания» (там же, с. 448). Само понимание осуществляется в языке и мы всегда находимся внутри некоторой культурной традиции, внутри определенных диалогов и форм жизни.

Вслед за М. Хайдеггером Гадамер трактует язык как некоторый способ мироисследования, задающий определенное предпонимание окружающего мира, определенную мироориентацию. «Мышление, — пишет он, — всегда движется в колее, пролагаемой языком. Языком заданы как возможности мышления, так и его границы» (1991, с. 24). И далее: «Он [язык] есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира и в этом смысле ничем не заменим. Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке. С изучением языка, с нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным» (там же, с. 29). Наше сознание вплетено в язык, который принадлежит не отдельному индивиду, а беседе, то есть, распределен между людьми. Как и исключительно индивидуальных, также не существует и «чистых» высказываний, якобы содержащих в себе бесспорные истины; они являются научно-философской абстракцией, теряющей смысл, когда мы обращаемся к речи конкретного человека в определенных условиях. «Высказывание, вырванное из непосредственного вопросно-ответного контекста, — замечает Гадамер, — изменившее свою форму в результате отнесения к иным целям и включения в иной контекст, подобно ответу на вопрос, когда спрашиваемый не знает, почему этот вопрос задан» (там же, с. 18). «Всякий язык, воплощенный в речи, имеет место всегда лишь в качестве слова, кому-либо сказанного, в качестве единого целого речи, поддерживающей коммуникацию между людьми, крепящей солидарность» (там же, с. 30).

Таким образом, в аналитической работе, по мнению Гадамера, необходим возврат к живой речи, к повседневной жизни, внутри которых отдельные слова и высказывания, обращенные к кому-то, приобретают свою осмысленность и значи-

мость. «Способ бытия языка — речь, говорение, а говорящие — это все мы, хотя и не один из нас в отдельности» (1991, с. 58). По мнению Гадамера, всегда необходимо помнить, что каждое высказывание мотивировано — произносится кому-то и ради чего-то, каждый вопрос можно понять только в конкретно-исторической ситуации, в которой он был поставлен.

Нельзя не заметить, как близки эти идеи концепции Бахтина. «Смыслами, — писал он, — я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» (1979б, с. 369). Таким образом, сознание существует не как замкнутая монологическая монада, но как *соборная, хоровая реальность*; включает в себя множество отдельных голосов-позиций, имеющих исторические корни. Введенное Бахтиным понятие *altjrite* («другость») указывает на то, что «я» человека должно опираться на что-то другое, на то, что в нем и что одновременно больше его самого.

Теории Бахтина и Гадамера объединяет особый интерес к историчности сознания человека, его форм понимания. Они предшествуют тому течению, о котором говорилось выше — социальному конструкционизму, движутся в лоне идеи о сознании человека как социально-конструируемой реальности. По мнению авторов, человек является не изолированным монологическим существом, но включенным в постоянные, непрекращающиеся взаимодействия. Действительной «средой» человека является пространство диалога, в котором сталкиваются различные голоса и рождаются отдельные высказывания. Слова изначально являются интериндивидуальными, разделенными между людьми, поскольку имеют авторство и адресата.

М.М. Бахтин и Г.Г. Гадамер призывают обращаться не к застывшим внеисторическим истинам, но к живой, становящейся речи, которая рождается в конкретных, реальных диалогических отношениях, в той более широкой языковой среде, которая только и делает возможным высказывание.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М.* Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 2000.
- Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы. — М.: Аспект Пресс, 2002.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы (часть I). — М.: Гнозис, 1994.
- Волошинов В.Н.* Конструкция высказывания // Литературная учеба. №3, 1939, с. 78-86.
- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. — Л., 1929.
- Гадамер Г. Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. — М., 1988.
- Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. — М., Искусство, 1991.
- Гусельцева М.С.* Методологические предпосылки развития культурно-исторической психологии. Дисс. канд. психол. наук. — М., 2003.
- Джерджен К. Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. — Минск: БГУ, 2003.
- Джерджен К. Дж.* Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. Ред.-сост. Е.В.Якимова. М.: ИНИОН РАН, 1995а, с. 51-73.
- Джерджен К. Дж.* Социальная психология как история // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. Ред.-сост. Е.В.Якимова. М.: ИНИОН РАН, 1995б, с. 23-50.
- Кун Т.* Структура научных революций. — М.: Издательство АСТ, 2002.

Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход, № 1(2), 2005, с. 51-71.

МакГвайр В. Ин и Янь прогресса в социальной психологии: семь принципов // Социальная психология. Тексты. — М., 1984.

Московиси С. Общество и теория в социальной психологии // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. — М., 1984.

Тэшел А. Эксперименты в вакууме // Социальная психология. Тексты. — М., 1984.

Улановский А.М., Барский Ф.И. Третья Международная конференция «Диалогическое я» // Вопросы психологии, 2004, N 6.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. — М., 1986.

Харре Р. Социальная эпистемология: передача знания посредством речи // Вопросы философии, 1992, №9, с. 49-60.

Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал, Т. 17, 1996, № 2, с. 12—20.

Шоттер Дж. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии, 1996, №6, с. 89-95.

Gergen K.J. Realities and Relationships. — Cambridge: Harvard University Press, 1994.
